

УДК 81'23

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/15

Восприятие эмоциональной лексики первого и второго языков в условиях языкового контактирования (тюркско-русский херитажный билингвизм)*

А.В. Васильева

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: alvasileva@mail.ru

Авторское резюме

В настоящее время вопрос о влиянии культуры того или иного социума на все стороны его жизни не подвергается сомнениям. Это касается и эмоциональной стороны. Несмотря на универсальность эмоций как психического механизма, существуют такие эмоции, которые являются общими для всех этносов, и те, которые формируются в определенной культуре и являются этноспецифичными. При этом различия в значительной степени проявляются не только при выражении эмоций, в том числе и языковом, но и при их восприятии. Особенно актуальной данная проблема становится в условиях контактирования языков, т. е. при обращении к вопросу взаимосвязи эмоциональности и билингвизма. Целью данной статьи является выявление особенностей восприятия диминутивов как представителей класса эмоциональной лексики тюркско-русскими билингвами на первом и втором языках. В качестве материала для проведения исследования были использованы единицы русского, хакасского и татарского языков, среди которых группой, находящейся в фокусе внимания, были диминутивы – эмоциональные слова, являющиеся отличительной чертой русской речи, но имеющиеся также и в тюркских языках. Указанные единицы были введены в эксперимент, который проводился с использованием программного обеспечения E-prime, позволяющего фиксировать скорость реакции респондентов на предъявляемые стимулы, последовательно сначала в группах носителей русского как родного и тюркско-русских билингвов на материале русского языка (23 человека в каждой группе), затем в группах хакасско-русских и татарско-русских билингвов на их род-

* Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет 2030).

ных языках (16 и 17 человек соответственно). Полученные данные были введены в ковариационный анализ, который показал, что все группы респондентов значимо дольше реагируют на эмоциональные слова по сравнению с нейтральными словами ($p < 0,001$), в независимости от языка, на котором предъявлялся стимульный материал. При этом на скорость реакции существенно влияет частотность и (или) длина слова. Сравнение результатов, полученных на материале родных языков билингвов, с результатами, полученными на материале русского языка, показало, что билингвы значимо дольше реагируют на все группы слов на родных языка ($p < 0,001$). Результаты, с одной стороны, не подтверждают имеющиеся в литературе данные о преимуществе обработки эмоциональных слов на первом языке, однако, с другой стороны, соотносятся с выводами о влиянии на восприятие типа билингвизма, в нашем случае – херитажного, позднего, несбалансированного в сторону второго языка.

Ключевые слова: билингвизм, эмоциональность, диминутивы экспериментальное исследование, скорость реакции

Perception of the emotional vocabulary of the first and second language lexicons in the conditions of language contact (Turkic-Russian heritage bilingualism)*

A.V. Vasilyeva

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: alvasilevaa@mail.ru

Abstract

Currently, the influence of a particular culture on all aspects of the society life is not in doubt. This also applies to the emotional sphere. It is believed that, despite the universality of emotions as a mental mechanism, there are emotions that are common to all ethnic groups and those ethnospecific emotions that are formed in a certain culture. Differences are largely manifested not only in the expression of emotions, including language expression, but also in their perception. This problem becomes especially relevant in the context of language contact, namely when addressing the problem of the relationship between emotionality and bilingualism. The purpose

* This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority-2030).

of this article is to identify the peculiarities of the perception of diminutives as representatives of the emotional vocabulary by Turkic-Russian bilinguals in the first and second languages. The experiment employed units of the Russian, Khakass, and Tatar languages, among which there were diminutives (the target group) – emotional words, that are a hallmark of Russian speech, but also available in the Turkic languages. The experiment was conducted using E-prime software first in groups of native Russian speakers and Turkic-Russian bilinguals on the material of the Russian language (23 people in each group), then in groups of Khakass-Russian and Tatar-Russian bilinguals in their native languages (16 and 17 people, respectively). The data were used for a covariance analysis, which showed that all groups of respondents needed much more time to respond to emotional words compared to neutral words ($p < 0.001$), regardless of the language of the stimuli. At the same time, either frequency and/or length of the word significantly affects the reaction time. Comparison of the results obtained on the material of the native languages of bilinguals with the results obtained on the material of the Russian language showed that bilinguals react significantly longer to all groups of words ($p < 0.001$).

The results, on the one hand, do not confirm the data available in the literature on the advantage of processing emotional words in the first language. However, they correlate with the conclusions about the impact on perception of the type of bilingualism, in our case – heritage, late, unbalanced towards the second language.

Keywords: bilingualism, emotionality, experimental research, diminutives, reaction time

Введение

В настоящее время проблема языковых контактов русского языка является актуальной, что объясняется, прежде всего, его статусом и, как следствие, влиянием, оказываемым им на другие языки Российской Федерации. Однако влияние в данном случае не однонаправленно, и русский язык сам также подвергается воздействию со стороны материнских языков билингвов, что проявляется в интерферентных явлениях, которые обнаруживаются на разных языковых уровнях (морфологическом, лексическом и др.) и часто имеют системный характер.

Так, например, в исследовании на материале корпуса RuTuBic [10] были проанализированы отклонения от речевого стандарта в речи тюркско-русских билингвов. Было показано, что в устной речи наблюдаются нарушения разного вида, при этом значительно преобладают те, которые обусловлены особенностями устной спонтанной коммуникации. По мнению авторов, многие из обнаруженных отклонений могут быть объяснены именно влиянием родных языков билингвов [9].

Стоит отметить, что количество и характер демонстрируемых особенностей при анализе интерферентных явлений оказываются во многом обусловлены типом билингвизма у тех групп респондентов, речь которых анализируется в том или ином случае. В фокусе исследования, описанного выше, а также исследования, которому непосредственно посвящена данная статья, находятся билингвы, у которых первым языком является один из тюркских – хакацкий и татарский, вторым – русский язык. При этом в той языковой ситуации, в которой существуют билингвы, первый язык становится херитажным, т. е. используемым в основном в сфере домашнего общения или для обозначения этнокультурной идентичности, в то время как второй язык (русский) доминирует практически во всех сферах коммуникации (более подробно см.: [1; 11]). Несбалансированность подобного рода проявляется в данном случае в сравнительно небольшом количестве случаев интерференции, которые, однако, выявляются не только при анализе речевых практик, но и при рассмотрении когнитивных процессов порождения и восприятия речи билингвами.

Сквозь призму восприятия исследуются различные аспекты билингвальных особенностей [3; 8], в нашей же работе мы обращаемся к проблеме восприятия эмоциональных слов первого и второго языков тюркско-русскими билингвами, специфика которого может быть обусловлена их культурным и языковым опытом.

Как известно, с точки зрения психологии, эмоции являются универсальными, при этом в значительной степени варьируются взгляды на количество фундаментальных эмоций, общих для всех народов, и этноспецифичных эмоций, которые формируются внутри определенного социума и во многом определяются культурными особенностями [7].

Национально-специфичными являются и особенности выражения эмоций в языке. Как указывает В.И. Шаховский, язык является «ключом к изучению человеческих эмоций» и именно язык «формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры» [14: 23].

При этом ситуация, в которой человек является носителем более чем одного языка, помимо прочего неизбежно ставит вопрос о том, как и в какой степени концептуализируются эмоциональные единицы второго языка и, как следствие, воспринимаются по сравнению с аналогичными единицами на первом языке.

Так, учёные говорят об эффекте первичности первого языка в лексиконе эмоций. Это означает, что эмоциональные слова первого языка более тесно связаны с конкретными контекстами и имеют бо-

лее высокую степень семантической нагруженности по сравнению с эмоциональными словами второго языка. Кроме того, значимым оказывается то, в какой степени билингв знаком с культурой второго языка и адаптировался к ней, т. е. так называемая степень социализации билингва в культуре второго языка [20].

В литературе, описывающей экспериментальные исследования восприятия эмоциональных слов первого и второго языков, показано, что в целом первый язык более эмоционален, чем второй или последующие языки [15; 19]. Однако более детальное изучение факторов, оказывающих влияние на восприятие, обнаружило, что ранние билингвы, т. е. те, кто выучил второй язык в раннем возрасте, считают слова второго языка более эмоционально нагруженными по сравнению с теми, кто выучил его позже. То же самое верно для респондентов, которые изучали второй язык в естественной среде, в отличие от функциональных (учебных) билингвов [16–18].

Однако также отмечается, что разные типы эмоциональной лексики, которые используются в экспериментах и различная степень типологических различий первого и второго языков могут оказывать влияние на полученные результаты. При этом стоит сказать, что подобные исследования в большинстве своем проводились на материале английского языка и других европейских языков (французский, испанский, немецкий и др.), на материале же русского языка исследований особенностей восприятия эмоциональной лексики обнаружено не было.

Говоря о тех группах слов, которые составляют эмоциональный фонд русского языка, нужно отметить, что количество лексических классов с подобными единицами довольно велико, при этом значительная часть представлена словами, характеризующимися деривационным способом выражения эмоционального отношения к предмету речи.

Кроме того, с позиции психолингвистики, любое слово может стать потенциально эмоциональным, если оно вызывает эмоциональный отклик у человека, т. е. эмоциональной единица становится тогда, когда такую оценку ей дает воспринимающий субъект.

Работая в рамках психолингвистического подхода, в качестве целевой группы для исследования мы, однако, выбрали один из классов единиц, где эмоциональное отношение выражается при помощи аффиксальных элементов, а именно диминутивных суффиксов (*работничек*, *зубик*, *здоровьишко*, *пятёрочка*). Такой выбор был обусловлен, во-первых, особым положением диминутивов в системе русского языка. Так, обилие слов с диминутивными суффиксами в русской речи является её общепризнанной особенностью, при этом

в большом количестве литературы, описывающей семантические и функциональные характеристики диминутивов, отмечается многообразие выражаемых ими смыслов и выполняемых функций. Во многом это объясняется выделением в структуре данных единиц двух компонентов – рационального – уменьшительности и прагматического – эмоциональности. При этом диминутивы являются контекстно зависимыми, и, несмотря на то, что первичным является компонент уменьшительности, для проявления эмоциональной оценки достаточно небольшой окрашенности контекста [5; 6].

Во-вторых, немаловажным оказался и тот факт, что в тех языках, которые являются родными для наших респондентов, т.е. в тюркских, подобные единицы также имеются (хакасский язык: *күзеечек* – *зятёк*, *мунзуруфас* – *кулачок*; татарский язык: *борынчык* – *носишко*, *егеткай* – *паренёк*), однако данные об их функционировании и семантике немногочисленны и их сложно назвать в равной мере соотносимыми и системными по сравнению с русским языком. Можно лишь говорить о том, что частично оттенки значений и функции диминутивов в тюркских языках совпадают с русскими [12; 13]. Однако очевидно, что типологические различия между языками обуславливают особенности систем диминутивных суффиксов, влияя на их на семантику и функционирование в русском и тюркских языках. Это позволяет предположить возможные различия при их восприятии на этих языках, что соотносится с более общей проблемой – выявлением особенностей восприятия эмоциональных слов билингвами.

Таким образом, целью нашей статьи является выявление особенностей восприятия диминутивов как представителей класса эмоциональной лексики тюркско-русскими билингвами на первом и втором языках. Указанная цель решалась посредством проведения серии поведенческих экспериментов с измерением времени реакции на предъявляемые стимулы.

Отметим, что в психолингвистике измерение скорости реакции при выполнении разных видов лингвистических задач является одним из наиболее распространённых подходов к исследованию языковой обработки в реальном времени. Предполагается, что более высокие значения данного показателя указывают на сложность обработки стимульного материала, что может объясняться его различными свойствами, в нашем случае – эмоциональной нагруженностью.

Материал и метод исследования

В качестве материала исследования послужили три массива слов на русском, хакасском и татарском языках.

Сначала на основе данных толкового идеографического словаря русских существительных Л.Г. Бабенко [2] были сформированы четыре группы единиц на русском языке. Как уже было сказано выше, в качестве целевой группы в исследовании выступили диминутивы (166 единиц) (*сестрёнка, креслице*). Кроме этого в анализ были включены также производящие неэмоциональные слова (163 единицы, например *сестра, кресло*) для выявления наличия/отсутствия различий в восприятии по сравнению с группой эмоциональных диминутивов. Отобранные слова принадлежали к одной из тематических групп: родственные связи, предметы одежды, части тела, предметы домашнего быта и предметы мебели, т. е. имели так или иначе отношение к человеку или его окружению. Также были отобраны слова с высоко положительной и отрицательной оценкой (42 единицы, например, *ущерб, шедевр*) для более точного определения степени эмоциональности слов, находящихся в фокусе нашего внимания, т. е. диминутивов. Всего было отобрано 371 слово.

Далее отобранные единицы были переведены носителями языка на хакасский и татарский языки. По сравнению с исходным количество стимулов сократилось, так как для некоторых единиц не было найдено эквивалентных соответствий, другие единицы – имеющие различные значения в русском языке – в хакасском и татарском оказались идентичными, кроме того, исключены были эквиваленты единиц, перевод которых включал более одного слова. Таким образом, общее количество стимулов составило 290 на хакасском, из них 135 – диминутивы, 126 – нейтральные производящие слова, слова с отрицательной и положительной оценкой – 29; 304 слова на татарском из них 130 – диминутивы, 132 – нейтральные производящие слова, слова с отрицательной и положительной оценкой – 42. Примеры слов-стимулов приведены в таблице.

Примеры слов-стимулов, использованных в исследовании

Тип слова	Слово на русском	Слово на татарском	Слово на хакасском
нейтральное	мальчик	малай	оолах
нейтральное	кровать	ятак	орған
диминутив	ситечко	иләкчек	илгегес
диминутив	плечико	иңсә	иңнiчек
положительное	прелесть	гүзәллек	сілии
положительное	выгода	файда	туза

отрицательное	суета	юк-барлык	хайыныс
отрицательное	мерзость	кабахәтлек	чабал

Дизайн и процедура эксперимента

При проведении экспериментов на материале русского языка и тюркских языков дизайны были идентичными, варьировались только стимулы.

Дизайн экспериментов состоял из одной зависимой переменной, т. е. той, которая подлежала измерению, ею стала скорость реакции респондентов и одной независимой переменной – той, которой управляет исследователь, в данном случае – тип стимула (эта переменная имела четыре уровня, т. е. состояла из четырех групп слов: диминутивы, производящие слова, слова с положительной и отрицательной оценкой).

Как правило, в экспериментах подобного типа задача, предлагаемая участникам, должна быть не связана с основной целью эксперимента для объективности результатов. Одним из типовых экспериментальных заданий является задание на разного рода категоризацию (categorization task), когда испытуемым предлагается отнести слово к той или иной категории. Так как при формировании стимулов мы отбирали слова, которые имеют отношение к человеку или его окружению, в качестве задания участникам было предложено определить следующее: слово, которое они видят на экране, называет человека, или часть тела человека, или же какой-либо предмет.

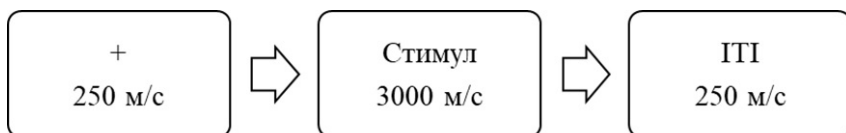

Рис. 1. Процедура эксперимента:

+ – фиксационный крест; ITI (intertrial interval) – межпробный интервал.

Процедура эксперимента (рис. 1) включала тренировку и основной эксперимент, стимулы предъявлялись в псевдорандомизированном порядке.

Респонденты

Экспериментальная серия проводилась в три этапа, что было обусловлено тремя привлекаемыми группами респондентов:

1) носители русского языка как родного – 23 человека (от 18 до 53 лет), проходившие эксперимент на русском языке;

2) тюркско-русские билингвы, родным языком являлся один из тюркских языков (татарский или хакасский) – 23 человека (от 16 до 52 лет), проходившие эксперимент на русском языке;

3) тюркско-русские билингвы – 16 носителей хакасско-русского билингвизма (в возрасте от 17 до 64 лет), проходившие эксперимент на хакасском языке; 17 носителей татарского-русского (в возрасте от 16 лет до 71 года), проходившие эксперимент на татарском языке.

Результаты

В результате проведения двух экспериментов на **материале русского языка** было получено 8 163 реакции в группе носителей русского языка как родного и 8 419 реакций в группе тюркско-русских билингвов. Полученные наблюдения анализировались с помощью различных статистических методов. Так, сначала данные были включены в ковариационный анализ, который дает возможность определить, существуют ли различия между исследуемыми параметрами (в нашем случае – скоростью реакции на разные группы слов), при этом устанавливая наличие или отсутствие влияния побочной переменной (т. е. той, которая не включена в дизайн, но в условиях эксперимента может повлиять на изучаемый процесс) на результаты. В нашем случае побочными переменными оказались длина стимулов и их частотность. Как правило, для проведения экспериментов подобного типа необходимо контролировать данные факторы, так как они могут оказывать влияние на восприятие при визуальном распознавании слов. Однако в нашем случае привести группы единиц в соответствие по данным показателям не представлялось возможным, т. к. эмоциональные производные слова из-за добавления диминутивных суффиксов неизбежно оказываются более длинными и менее частотными.

Анализ полученных данных показал, что в группе носителей русского языка как родного эмоциональные слова с диминутивными суффиксами обрабатываются значимо дольше, чем нейтральные производящие слова ($p < 0,001$), при этом на различия в скорости реакции оказывает влияние фактор частотности слова ($p < 0,001$). Эти результаты визуализированы на рис. 2.

Рисунок 3 в свою очередь отражает результаты статистического анализа, проведенного в группе тюркско-русских билингвов. Так, оказалось, что билингвы также реагируют на диминутивы дольше, чем на нейтральные слова ($p < 0,001$), однако помимо частотности ($p < 0,001$) на результаты влияет также фактор длины слова ($p < 0,001$).

Кроме того, на данных, полученных в результате проведения экспе-

римента, на материале русского языка как родного был проведен статистический анализ, направленный на сравнение данных о скорости реакции двух групп респондентов на слова русского языка. Для этого был использован критерий Манна–Уитни, позволяющий сравнивать две независимые выборки – в нашем случае скорость реакции в груп-

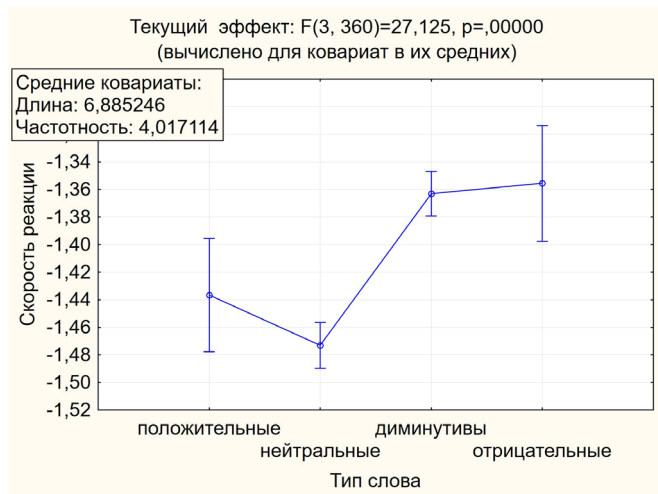

Рис. 2. График зависимости скорости реакции носителей русского языка как родного от типа стимула при восприятии слов русского языка.

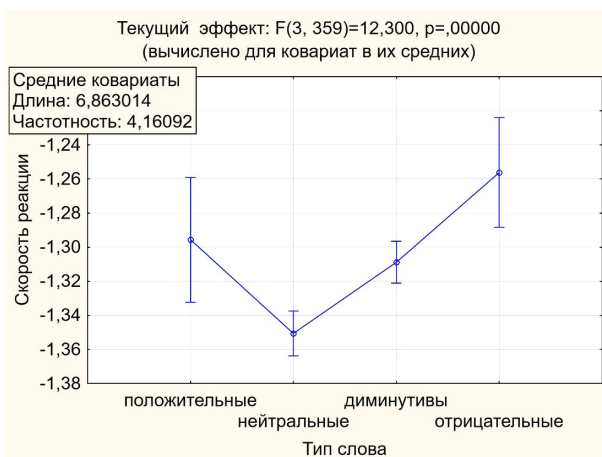

Рис. 3. График зависимости скорости реакции татарско-русских билингвов от типа стимула при восприятии слов русского языка.

не носителей русского языка и в группе тюркско-русских билингвов. Анализ показал, что скорость реакции на все слова в целом, а также на каждую группу в отдельности у билингвов значимо дольше, чем у носителей русского языка как родного ($p < 0,001$) (более подробное описание экспериментов на русском языке см.: [4]).

В результате проведенных экспериментов на материале **родных языков билингвов – хакасском и татарском** – было получено 5 057 и

Рис. 4. График зависимости скорости реакции от типа стимула в группе татарско-русских билингвов при восприятии слов татарского языка.

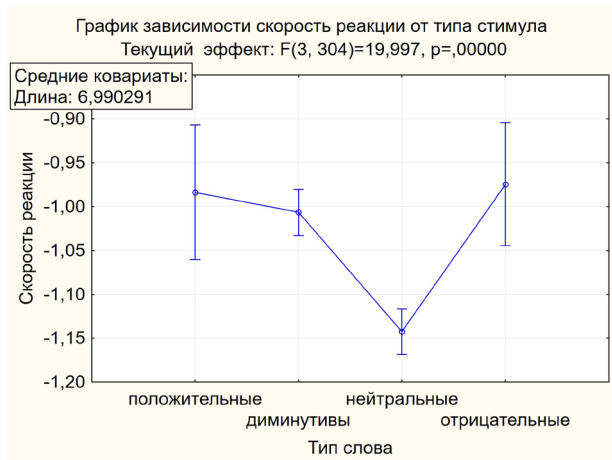

Рис. 5. График зависимости скорости реакции от типа стимула в группе хакасско-русских билингвов при восприятии слов хакасского языка.

5 469 наблюдений соответственно. Результаты экспериментов были также включены в ковариационный анализ, при этом в данном случае контролировалась только длина слова. На рис. 4 визуализированы результаты анализа, проведенного в группе носителей хакасско-русского билингвизма.

Так, оказалось, что билингвы значимо дольше реагируют на диминутивы по сравнению с нейтральными словами ($p < 0,001$) в независимости от того, что на скорость реакции значимое влияние оказывает длина слова. Аналогичные результаты были получены в группе носителей татарско-русского билингвизма (рис. 5).

Далее нами был использован критерий Краскела – Уоллиса, позволяющий сравнивать несколько независимых выборок между собой. В нашем случае это данные, полученные на материале русского языка в двух группах респондентов, и данные, полученные на материале тюркских языков. Анализ показал, что билингвы значимо дольше реагируют на все группы слов на родном языке по сравнению с

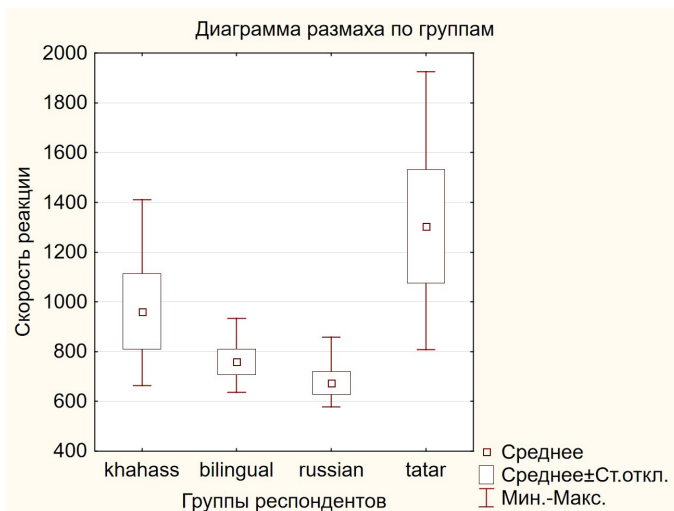

Рис. 6. График межгрупповых различий в скорости реакции у разных групп респондентов.

группами респондентов в экспериментах на материале русского языка ($p < 0,001$), что можно видеть на рис. 6, где khakass – группа хакасско-русских билингвов, bilingual – группа тюркско-русских билингвов, russian – группа носителей русского языка как родного, татар – группа татарско-русских билингвов.

Таким образом, по результатам проведенных экспериментов можно сделать следующие выводы:

1. Тюркско-русские билингвы более медленно обрабатывают слова второго языка (русского) по сравнению с носителями русского языка как родного, однако при этом демонстрируя схожие тенденции в обработке эмоциональных слов (диминутивов).

2. Тюркско-русские билингвы более медленно обрабатывают слова первого языка по сравнению со словами второго языка, при этом воспринимая диминутивы на втором языке, как и на первом, более медленно, чем нейтральные слова.

Как было указано выше, более длительное время реакции на одну из групп единиц может свидетельствовать о необходимости большего количества усилий для их обработки, что, вероятно, свидетельствует о влиянии каких-либо особенностей единиц, входящих в эту группу. В данном случае, если мы говорим об анализе в рамках одной группы респондентов, более медленная реакция на диминутивы, вероятно, может свидетельствовать о влиянии их эмоциональной нагруженности на обработку. Более медленная реакция на предложенные стимулы в зависимости от того, на каком языке они воспринимались, с одной стороны, говорит о том, что билингвам требуется большее количество усилий для восприятия слов первого языка (тюркского) по сравнению со вторым (русским), с другой – о том, что на обработку слов русского языка они все же тратят больше усилий по сравнению с носителями.

Обсуждение

Полученные результаты в целом соотносятся с данными, имеющимися в литературе, о специфике восприятия эмоциональных слов билингвами, с одной стороны, не подтверждая данные о преимуществе обработки эмоциональных слов на первом языке, однако, с другой стороны, соотносясь с данными о влиянии на восприятие типа билингвизма, в нашем случае – херитажного, позднего, несбалансированного в сторону второго языка. Это дает возможность сделать вывод о том, что тип билингвизма в данном случае оказывается более значимым, чем особенности исследуемых единиц – диминутивов.

Отметим, что для более точной интерпретации результатов необходим дополнительный сбор данных о частотности слов на хакасском и татарском языках, в связи с тем, что данный параметр является значимым при проведении исследований такого типа и может оказать влияние на результаты. Имеющийся к настоящему времени массив данных о частотности единиц татарского и хакасского языка является недостаточным для проведения анализа.

Также предполагаем, что в дальнейшем необходимо проведение дополнительных серий экспериментов (в группах респондентов с разной степенью владения первым и вторым языками; с исполь-

зованием других групп эмоциональной лексики) для установления наличия/отсутствия влияния указанных факторов на результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артёменко Е.Д., Буб А.С.* Динамика социолингвистической ситуации хакасско-русского языкового взаимодействия на территории Южной Сибири // *Русин*. 2019. № 56. С. 294–311. DOI: 17223/18572685/56/18
2. *Бабенко Л.Г.* Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. М.: АСТ-Пресс Книга, 2008. 862 с.
3. *Буб А.С., Артеменко Е.Д.* Когнитивная обработка биномиалов русского языка тюркско-русскими билингвами // *Язык и культура*. 2019. № 48. С. 32–45.
4. *Васильева А.В.* Влияние билингвизма на когнитивную обработку эмоциональных слов (тюркско-русский билингвизм) // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 455. С. 5–11.
5. *Вежицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996. 411 с.
6. *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979. 240 с.
7. *Клобуков П.Е.* Эмоции, сознание, культура (особенности отражения эмоций в языке) // *Язык, сознание, коммуникация*. 1998. Вып. 4. С. 110–123.
8. *Некрасова Е.Д., Резанова З.И., Палий В.Е.* Влияние родного языка (L1) на когнитивную обработку грамматической категории рода существительных русского языка (L2) русско-тюркскими билингвами // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019. № 57. С. 103–123.
9. *Резанова З.И., Коршунова И.С.* Русская речь в зоне языкового контактирования: активные тенденции в сфере отклонений от речевого стандарта // *Русин*. 2022. № 68. С. 266–279.
10. *Резанова З.И.* Подкорпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири: типологически релевантные признаки // *Вопросы лексикографии*. 2017. № 11. С. 105–118. DOI: 10.17223/22274200/11/7
11. *Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д.* Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 436. С. 56–68. DOI: 10.17223/15617793/436/7
12. *Тараканова (Чебоचाкова) И.М.* Диминутивы в хакасском языке. Абакан: Сервисный пункт, 2011. 116 с.
13. *Чебоचाкова И.М.* Некоторые особенности суффиксов уменьшительности хакасского языка // *Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова*. 2019. № 1 (27). С. 83–85.
14. *Шаховский В.И.* Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград: Перемена, 2009. 169 с.
15. *Altarriba J.* Expressions of emotion as mediated by context // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2008. № 11 (02). P. 165–167.

16. Dewaele J.-M. Blistering barnacles! What language do multilinguals swear in? // *Estudios de Sociolingüística*. 2004. № 5. P. 83–105.
17. Dewaele J.-M. Expressing anger in multiple languages // *Bilingual minds: Emotional experience, expression and representation*. Clevedon, UK: Multilingual Matters Ltd, 2006. P. 118–151.
18. Dewaele J.-M. The emotional force of swearwords and taboo words in the speech of multilinguals // *J. Multilingual Multicultural Dev.* 2004. № 25. P. 204–222. DOI: 10.1080/01434630408666529
19. Pavlenko A. Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2008. № 11 (02). P. 147–164.
20. Pavlenko A. *Emotions and multilingualism*. Cambridge University Press, 2005. 304 p.

REFERENCES

1. Artemenko, E.D. & Bub, A.S. (2019) Dynamics of the sociolinguistic situation of Khakass-Russian language interaction on the territory of Southern Siberia. *Rusin*. 56. pp. 294–311 (in Russian). DOI: 17223/18572685/56/18
2. Babenko, L.G. (2008) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy* [The Great Dictionary of Russian Nouns: an Ideographic Description. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-Press Kniga.
3. Bub, A.S. & Artemenko, E.D. (2019) Cognitive Processing of the Russian Language Binomials in Turkic-Russian Bilinguals. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 48. pp. 32–45 (in Russian). DOI: 10.17223/19996195/48/2
4. Vasilyeva, A.V. (2019) The influence of bilingualism on emotional words cognitive processing (Turkic-Russian bilingualism). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 455. pp. 5–11 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/455/1
5. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: [s.n.].
6. Zemskaya, E.A. (1979) *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya* [Russian colloquial speech: a linguistic analysis and problems of learning]. Moscow: Flinta.
7. Klobukov, P.E. (1998) Emotsii, soznanie, kul'tura (osobennosti otrazheniya emotsiy v yazyke) [Emotions, consciousness, culture (features of emotion reflection in language)]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya – Language, Consciousness, Communication*. 4. pp. 110–123
8. Nekrasova, E.D., Rezanova, Z.I. & Paliy, V.V. (2019) The influence of the native language (L1) on the cognitive processing of the grammatical gender of the Russian Language (L2) by Russian-Turkic bilinguals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 57. pp. 103–123 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/57/6
9. Rezanova, Z.I. & Korshunova, I.S. (2022) Russian speech in the language contact zone: active trends in deviations from the speech standard. *Rusin*. 68. pp. 266–279 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/68/14

10. Rezanova, Z.I. (2017) Subcorpus of oral speech of Russian-Turkic bilinguals of Southern Siberia: Typologically relevant signs. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 105–118. DOI: 10.17223/22274200/11/7
11. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G. & Nekrasova, E.D. (2018) Dynamics of sociolinguistic processes in Southern Siberia mirrored in bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar language interaction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 56–68. DOI: 10.17223/15617793/436/7
12. Tarakanova (Chebochakova), I.M. (2011) *Diminutivy v khakasskom yazyke* [Diminutives in the Khakass language]. Abakan: Ed. in LLC “Service point.”
13. Chebochakova, I.M. (2019) Some features of the diminutive suffixes of the Khakass language. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova – Bulletin of N. F. Katanov Khakass State University*. 1(27). pp. 83–85 (in Russian).
14. Shakhovsky, V.I. (2009) *Yazyk i emotsii v aspekte lingvokul'turologii* [Language and Emotions in the Aspect of Linguoculturology]. Volgograd: Peremena.
15. Altarriba, J. (2008) Expressions of emotion as mediated by context. *Bilingualism: Language and Cognition*. 11(02). pp. 165–167.
16. Dewaele, J.-M. (2004) Blistering barnacles! What language do multilinguals swear in? *Estudios de Sociolingüística*. 5. pp. 83–105.
17. Dewaele, J.-M. (2006) Expressing anger in multiple languages. In: Pavlenko, A. (ed.) *Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression and Representation*. Clevedon, UK: Multilingual Matters Ltd. pp. 118–151.
18. Dewaele, J.-M. (2004) The emotional force of swearwords and taboo words in the speech of multilinguals. *Journal of Multilingual Multicultural Development*. 25. pp. 204–222. DOI: 10.1080/01434630408666529
19. Pavlenko, A. (2008) Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon. *Bilingualism: Language and Cognition*. 11(02). pp. 147–164.
20. Pavlenko, A. (2005) *Emotions and Multilingualism*. Cambridge University Press.

Васильева Алина Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Vasilyeva Alina V. – Tomsk State University (Russia).

E-mail: alvasileva@mail.ru